

АЛЕКСЕЕВ Георгий Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр-кт, 57/43; intlaw@szags.ru)

МОРОЗОВ Григорий Никитич – кандидат юридических наук, исполнительный директор Благотворительного фонда сохранения духовного наследия преподобного Сергия Радонежского (125009, Россия, г. Москва, Тверской б-р, 16; info@fondsr.com)

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Аннотация. Национализация политического класса – необходимое условие поддержания духа патриотизма, культурной самобытности и обеспечения безопасности государства. Терроризм и проявления экстремизма как угрозы национальной безопасности развиваются наиболее активно в условиях низкого уровня легитимности политического класса. Вытеснение популизма из массового сознания и воспитание патриотизма внутри национального политического класса определяется преодолением неравенства и уровнем социальной справедливости в современном российском обществе.

Ключевые слова: национализация элит, политический класс, безопасность, патриотизм, культура, самобытность, устойчивое развитие, плюрализм

Президент РФ В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. предложил «запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики», при этом он специально отметил тот факт, что «в культуре и в политике, в СМИ и общественной жизни, в полемике по экономическим вопросам никто не может запретить свободно мыслить и открыто высказывать свою позицию»¹.

Глобализация – объективный процесс. Глобальное транзитивное общество претерпевает воздействие процессов научно-технического прогресса, разделяющих людей на тех, кто использует глобализацию в собственных интересах, и тех, кто от нее страдает. Модель глобализации показала свою ущербность. В меняющемся мире российское общество подвергается реформам по чрезвычайно жесткому сценарию. В российской социальной действительности до сих пор действуют системные нормы социалистического государства, в то время как значительная часть элиты предпочитает существовать по законам радикального капитализма. Социальный разрыв между богатыми и бедными внутри российского общества позволяет говорить о том, что российское общество глубоко травмировано [Тощенко 2015: 12-50]. Национализация политического класса, по нашему мнению, должна стать одной из первоочередных мер для избавления от той ущербности, которая ощущается в современной социально-политической действительности.

Разноуровневое развитие в условиях экономической зависимости народов мира от государств, пропагандирующих западноевропейские стандарты демократии, происходит на фоне тотального внедрения информационных технологий, возникновения глобального сетевого общества, цифрового разрыва. Вместе с тем культурная самобытность не была исчерпана, и свежие подтверждения тому – результаты референдума по Брекситу и ряд других инициатив. В таких сложных условиях национальная безопасность претерпевает воздействие ком-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 01.12.2016. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

плекса критических угроз, которые можно систематизировать в зависимости от тех сфер жизни общества, в которых они складываются.

В социально-экономической сфере наблюдается безосновательное социальное неравенство, порождающее резкое снижение мотивации к труду, безработицу и бедность. В духовной сфере образовался идеологический вакуум, который государственные органы стараются компенсировать религиозными ценностями. Здесь конкуренцию светскому государству составляют общественно опасные религиозные секты и проявления радикального исламизма. Политическая сфера любого современного государства травмирована глобализацией в наибольшей степени. Здесь откровенный космополитизм политического класса дополняется стремлением представителей иностранных элит «воспитывать» целые народы; государства уступают все больше своего суверенитета представителям мировой финансовой олигархии.

Профессор Ж.Т. Тощенко в своей статье «Травма общества: между эволюцией и революцией» относит к обществам травмы страны, которые длительное время стагнируют в своем развитии или находятся в состоянии рецессии [Тощенко 2017: 70]. Представляется, однако, что роль ошибок советского периода в современных проблемах российского общества традиционно преувеличивается, в то время как значительное травмирующее воздействие постоянно импортируется в Россию. При этом картина общемирового, глобального политического кризиса в России дополняется объективно существующими проблемами, которые возникли в советскую эпоху и актуальны по сей день. Отсутствие ответственной системной политической оппозиции, способной конкурировать в борьбе за власть и нести ответственность за ситуацию в стране, бедность среди занятого, работающего населения России и чудовищная бюрократизация всего административного процесса управления народным хозяйством подрывают доверие к власти и способность русских людей сопротивляться вызовам глобализации.

Функция политического класса — гарантировать успех государственной политики вне зависимости от объективных препятствий и трудностей в достижении ее стратегических целей. Поскольку социальный успех всегда определяется преимуществами, а не проблемами и недостатками, категорически неправильно только сетовать на глубину социального разрыва, степень тяжести травматического развития, экономическое отставание России. Напротив, следует реализовывать преимущества российского общества, которые позволят компенсировать отставание и достойно ответить на существующие угрозы национальной безопасности. Национализация политического класса должна быть направлена на формирование способности видеть преимущества и сильные стороны государства на фоне тех недостатков, которые сопровождают российское общество давно, и тех проблем, которые России постоянно создают соседи и недоброжелатели.

Социальная идентичность нации — гарантия конкурентоспособности государства в глобальной экономической системе. Те проявления русского национального характера, которые выступают как отличительные черты российского государства, критически важны для устойчивого развития страны. Национальный политический класс призван хранить и развивать достижения предыдущих исторических периодов, которые проявляются в некоторых особенностях русской ментальности. Во-первых, социальная несправедливость в России воспринимается острее, чем в тех странах, где она была и остается нормой. При этом отмечается высокий уровень образования населения и активное вовлечение всех людей, в т.ч. иностранцев, в социальные процессы — достижение еще советской системы образования, которая доказала свою эффективность. Во-вторых, русские люди любят свою страну со всей широтой своей

души, несмотря на несправедливость и глупость представителей политического класса, с которыми они ежедневно сталкиваются. В-третьих, российское общество обладает сильным духовно-нравственным полем, препятствующим полной маргинализации бедных, подчинению государства законам радикального неолиберализма, отказу от государственного суверенитета в угоду интересам транснациональных корпораций.

Профессор социологии Калифорнийского университета в Беркли М. Буравой в своей статье «“Опасный” класс как спаситель человечества» отмечает тот факт, что интеллектуалы становятся «опасными», когда они организуются в общность, выступая против существующего статус-кво и за лучшее будущее [Буравой 2010]. При этом если «история говорит о том, что общества, истребившие этот “опасный” класс, вскоре погибают и сами» [Буравой 2010: 3], то следует признать необходимость активизации вовлечения интеллектуалов в работу политического класса. Фактически об этом пишет профессор В.С. Комаровский [Комаровский 2017: 5-7], когда сопоставляет позицию по вопросу преодоления социального неравенства французского экономиста Тома Пикетти, который предлагает «решить проблему путем повышения налогов на доходы, состояние, капиталы» [Piketty 2014], и убежденность Майкла Буравого в том, что «победить социальные разрывы можно только, если система неравенства, воспроизводящая себя в глобальных идеологиях и глобальных медиа, встретится с глобальной же по масштабу силой сопротивления в лице новых социальных движений» [Буравой 2015: 12-13].

Профессор А.П. Кочетков в своей статье «Особенности формирования и развития политического класса современной России», признавая тот факт, что «ядром политического класса является политическая элита – особый социальный слой, в руках которого находится реальная власть», отмечает весьма парадоксальный результат формирования и развития «под сильным влиянием российских традиций» современного российского политического класса, в котором «произошел симбиоз таких его составляющих, как управленческая бюрократия и корпоративный бизнес» [Кочетков 2017: 13-14]. Формирование демократического общества в таких условиях – сложная задача. Корпоративный бизнес заинтересован в глобализации и воспринимает демократию как средство влияния на бюрократизированный аппарат государства. Интеллектуальный и трудовой потенциал при этом активно черпается из-за рубежа.

С одной стороны, глобализация совершенно необходима государству, поскольку она обеспечивает технический прогресс и экономическое развитие, с другой – эффект ущербности национального хозяйства, возникающий в связи с неконкурентоспособностью традиционной экономической модели в универсальном масштабе, повсеместно создает трудности и безработицу для населения, разрушает индустрию, формировавшуюся столетиями, причиняет вред жизненно важным интересам государства. Глобализация и научно-технический прогресс оставили простых граждан без работы, без стабильного источника доходов. Жертвы глобализации – обычные люди, забытые и выброшенные на улицу – утрачивают веру в себя и свою страну и одновременно создают базис для политической нестабильности.

Разделяя уверенность многих россиян в том, что одной из ошибок российского политического класса в процессе осуществления реформ стала недооценка существенных параметров «российского культурно-исторического кода», и понимание того обстоятельства, что «только с учетом “российской матрицы” можно снизить риски в обустройстве России и достойно ответить на вызовы XXI в.» [Лапшин 2014], авторы предлагают более пристально присмотреться к некоторым угрозам национальной безопасности, исходящим от тех, кто, являясь «гражданами

мира», утрачивают связь со своей страной, малой родиной, теряют историко-культурную самобытность и подвергают опасности свою страну под предлогом необходимости перехода к мировым стандартам.

В России конфликт между идеей восприятия западных ценностей и необходимостью развивать собственную самобытную русскую культуру сложился исторически и многократно воспроизводился. Как справедливо заметил известный французский социолог Пьер Бурдьё, «принципы разделения, в неразрывной взаимозависимости логической и социологической, функционируют в рамках и для целей борьбы между социальными группами; в производстве концепций они и создают группы, те самые группы, которые вырабатывают принципы, и группы, против которых данные принципы производятся» [Bourdieu 1984: 479]. Конфликт западников и славянофилов отражается на деле обеспечения безопасности, устойчивого развития и воспитания патриотизма в российском обществе. Средства массовой информации и политический класс ответственны за поиск оптимальных решений, поскольку российская социальная действительность не всегда допускает возможность копирования зарубежных, западных подходов к решению социально-политических задач.

Патриотизм как любовь к родине связан с самоуважением, которое в правовом и политическом сознании свободного человека заставляет его ощущать себя достойным представителем своей страны и мирового сообщества. Сформулированная интеллектуалами национальная идея должна быть интересной, увлекательной и амбициозной. Она определяет конкурентоспособность государства, соответствие национальной политики веяниям настоящего времени, придает смысл служению отечеству.

Патриотизм – образ семантический, он не имеет рационального объяснения. Для индивида патриотизм – это такое же подсознательное чувство, как любовь или вера в бога. Патриотизм не нуждается в доказательствах рациональности патриотических чувств. Никакие проблемы и недостатки национального характера не способны подорвать патриотизм в силу синергетической симпатии к проявлениям родственных по духу национальных особенностей. Академик Д.С. Лихачев в своей статье «О национальном характере русских» писал: «...европейский тип культуры наиболее универсален, наиболее восприимчив к другим культурам и обладает наибольшей способностью воздействовать на другие культуры. Европейская культура как определенный тип культуры открыта для других культур, и именно это обстоятельство делает ее культурой будущего, а в какой-то мере и культурой нашей современности» [Лихачев 1990: 3]. Являясь частью европейской культуры, русский национальный характер, по справедливому замечанию Д.С. Лихачева, содержит в себе черту, которая «составляет несчастье русских: это во всем доходить до крайностей, до пределов возможного» [Лихачев 1990].

Политическая система дореволюционной России была далека от идеала. Однако ни терроризм таких организаций, как «Народная воля» и «Громада», ни восстание декабристов и польское национально-освободительное движение в XIX в., которое стоило жизни множеству русских офицеров, ни англо-германское происхождение подавляющего числа представителей дворянства, которое к тому же предпочитало между собой общаться на французском языке, не позволяли сомневаться в существовании русского народа и российского государства. Вместе с тем либерализация общественной жизни в начале XX в. и обременительные военные кампании оказали разрушительное воздействие на государственность Российской империи. Прибавим к этому многочисленный поток эмигрантов, хлынувший из России после революции 1917 г, который унес за пределы России множество светлых умов, и мы поймем, что решение вопроса

национализации интеллектуального политического класса назревает давно, но, что очевидно, является непростым.

Поставив под сомнение русскую национальную идею, изначально нацеленную на кооптацию всех людей, ее разделяющих, в состав этнически разнородного, но духовно единого русского народа, мы подорвем способность противостоять угрозам безопасности сообща, всем миром. Обеспечение безопасности предполагает внутреннюю и внешнюю интеграцию всех соотечественников для защиты от опасных проявлений мультикультурализма, религиозного экстремизма и любой несправедливости. Как показывает мировая практика таких стран, как Сингапур и Южная Корея, в выигрыше оказываются те государства, которые сохранили социально-культурную идентичность, но включились в сетевую коммуникацию со всем миром.

Советские люди не знали такой проблемы, как идеологический вакуум, слово «коммунист» вполне соответствовало той социальной функции, которую в западном обществе выполняет элита. Советская идея равенства и коллективизма была воспринята китайской культурой. Лидер Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун в своей статье «Против либерализма» выразил уверенность в том, что «коммунист должен быть искренним, преданным и активным, интересы революции должны быть для него дороже жизни, он должен подчинять личные интересы интересам революции; всегда и везде он должен отстаивать правильные принципы, вести неустанную борьбу против всяких неправильных взглядов и поступков и тем самым крепить коллективизм в жизни партии»¹. Советская Россия стала единственной европейской державой, которая оказалась способной транслировать прогрессивные европейские идеи в Китай так, что они там были поняты и восприняты на уровне национальной политической элиты.

Национализация политического класса связана с необходимостью соответствовать актуальным запросам общества и демонстрировать превосходство национальной культуры. Художественное достоинство произведений национальной культуры, прежде всего массовой агитационной культуры, например кинематографа, в современном мире во многом определяется экономическими результатами реализации творческих проектов. Неспособность создавать конкурентоспособные в глобальном масштабе художественные фильмы — проявление несоответствия отечественной киноиндустрии вызовам настоящего времени, всерьез угрожающее безопасности страны. Однако критика в данном случае не является конструктивным подходом, необходимо выявлять и устранять причины такого положения вещей.

Известный российский публицист О.А. Макаренко, отмечая весьма невысокое качество современной российской элиты, обозначил как главную проблему российской политики то, что «наши элиты не связывают свое будущее с Россией. Их капиталы хранятся за рубежом, их дети учатся и работают на Западе, и сами они относятся к России как к месту для работы, но не для жизни»². Российская власть ориентирована на интересы данной элиты, полагая, что интересы России в целом совпадают с интересами представителей политического класса. Специалисты нью-йоркского университета «Гамильтон колледж» констатируют высокую степень поддержки российской национальной элитой государственной политики президента РФ В.В. Путина [Rivera 2016],

¹ Мао Цзэдун. Против либерализма. — *Избранные произведения*. М.: Издательство иностранной литературы. 1953. Т. 2. С. 39-44.

² Макаренко О.А. Национализация элит продолжается. — *Политическая Россия*. Общественно-политический интернет-журнал. 2014. Доступ: <http://politrussia.com/society/natsionalizatsiya-ELIT-prodolzhaetsya-814/>

что подтверждает консолидацию интересов политического класса с культурной, медийной и бизнес-элитами. В данном контексте проблема устойчивого развития страны состоит в том, что лояльность доминирует над способностью достигать результата. При этом лояльность населения до некоторого времени можно обеспечить экономическими механизмами, пропагандой со стороны средств массовой информации, выполняющих функцию элиты особого рода [Кириленко, Алексеев 2016].

Международные связи бизнес-элиты, аффилированной с политическим классом, не представляют угрозы сами по себе. Квалификация политического класса зависит от его международной мобильности, знания передовых мировых трендов, которые способны улучшить благосостояние народа. Многие представители политического класса действуют добросовестно, однако весьма часто, по справедливому замечанию профессора О.Н. Яницкого, «проблема заключается в том, что существующие и политические, и социальные институты не в состоянии угнаться за темпом происходящих в мире перемен» [Яницкий 2017: 41].

Национализация политического класса, связанная с формированием патриотических чувств у представителей интеллектуальной элиты, не должна превращаться в опасный популизм [Громыко 2016]. Реальность успехов в реализации национальных проектов, конкурентоспособность национальной журналистики и искоренение несправедливости, приводящей к снижению качества жизни в России, – самые точные маркеры национализации политического класса. В условиях глобализации международная активность политического класса страны определяет способность российского народного хозяйства перенимать наиболее прогрессивные технологии, способствует распространению российского политического влияния и отражает экономические реалии современного мира.

Представляется, что нагнетание социальной напряженности связано с внедрением широкой практики опасного популизма внутри политического класса. А так как «рост нового популизма ведет к ослаблению влияния политических партий и профсоюзов» [Лапшин 2017: 17], лишённые возможности влиять через законных представителей социально активные граждане, принадлежащие к «опасному классу», формируют несистемную оппозицию и всячески подрывают легитимность политического класса. Национализация политического класса должна обеспечиваться подконтрольностью элит и корпораций политическим институтам демократического государства. Ввиду того что реализация государственного суверенитета в современных геополитических условиях осуществляется как на территории страны, так и за ее пределами, национализация элит предполагает сохранение патриотических чувств и верности национальной идее представителями русского мира вне зависимости от места проживания.

Проблема искажений политического класса не является исключительно российской особенностью. На страницах авторитетных западных политологических журналов отмечается тот факт, что в последнее время в отношении британского политического класса звучат обвинения в том, что его представители «безответственны, нерепрезентативны, аморальны и элитарны» [Allen, Cairney 2015: 18]. Представляется, что проблема качества национальной политической элиты носит глобальный характер, и одной из первоочередных мер противодействия нарастающей угрозе должна стать национализация политического класса – демонстрация способности эффективно решать актуальные проблемы на основе традиционных ценностей русского народа, правовых принципов Российского государства.

Всеобщее признание достижений советской и российской культуры, науки

и образования, сохранение национального культурного наследия, объединение прогрессивных советских идей в рамках русского мира – первый и необходимый шаг на пути национализации политического класса России. Национализация политического класса в таком ее понимании имеет своей целью обретение способности сплочения институтов гражданского общества вокруг патриотически настроенных интеллектуалов – лидеров, способных обеспечить поступательное устойчивое развитие страны, преодоление социального разрыва и единение русского народа. Политический класс обязан предложить обществу прогрессивную идею, которая объединит народ, нормализует отношения между властью и обществом.

Список литературы

- Буравой М. 2010. «Опасный» класс как спаситель человечества. – *Русский журнал*. С. 1-3. Доступ: <http://www.russ.ru/pole/Opasnyj-klass-kak-spasitel-chelovechestva> (проверено 17.05.2017)
- Буравой М. 2015. Социология и неравенство. – *Социс. Социологические исследования*. № 7. С. 5-14.
- Громько Ал.А. 2016. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка. – *Современная Европа*. № 6. С. 5-10.
- Кириленко В.П., Алексеев Г.В. 2016. Демократия и «четвертая власть». – *Управленческое консультирование*. № 2(86). С. 34-42.
- Комаровский В.С. 2017. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности формированию гражданской нации России. – *Власть*. № 1. С. 5-11.
- Кочетков А.П. 2017. Особенности формирования и развития политического класса современной России. – *Власть*. № 1. С. 12-18.
- Лапшин А. О. 2014. Российская матрица. – *Власть*. № 2. С. 15-16.
- Лапшин А. О. 2017. О новом популизме и глобализации (несколько замечаний). – *Власть*. № 4. С. 16-18.
- Лихачев Д.С. 1990. О национальном характере русских. – *Вопросы философии*. № 4. С. 3-6.
- Тощенко Ж.Т. 2015. *Фантомы российского общества*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.
- Тощенко Ж.Т. 2017. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии). – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 70-84.
- Яницкий О.Н. 2017. Глобальные тенденции и новые вызовы. – *Власть*. № 4. С. 38-43.
- Allen P., Cairney P. 2015. What Do We Mean When We Talk about the 'Political Class'? – *Political Studies Review*. Vol. 15. No. 1. P. 18-27.
- Bourdieu P. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Harvard University Press. 640 p.
- Piketty T. 2014. *Capital in Twenty-first Century*. Harvard University Press. 686 p.
- Rivera S.W. 2016. Russian Elite 2016. Perspectives on Foreign and Domestic Policy. May 11. URL: <http://www.hamilton.edu/news/polls/2016-russian-elite> (accessed 17.05.2017).

ALEKSEEV Georgiy Valer'evich, *Cand.Sci. (Legal)*, Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Legal Science, North-Western Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredniy Ave, V.O., St. Petersburg, Russia, 199178intlaw@szags.ru)

MOROZOV Grigory Nikitich, *Cand.Sci. (Legal)*, Executive Director of Charity Fund for Preservation of Saint Sergius of Radonezh Spiritual Heritage (16 Tverskoy Biv, Moscow, Russia, 125009; info@fondsr.com)

THE NATIONALIZATION OF THE POLITICAL CLASS AS AN INSTRUMENT OF PROVIDING STATE SECURITY

Abstract. Nationalization of the political class is a necessary condition to maintain the spirit of patriotism, cultural identity and ensure the national security. Terrorism, corruption and violent extremism as threats to national security are developing most actively in conditions of low legitimacy of the national political class. Overcoming of inequality and the level of social justice in modern Russian society determine the displacement of populism from mass consciousness and the raise of patriotism inside national political class.

Keywords: nationalization of elites, political class, security, patriotism, culture, identity, sustainable development, pluralism

ЧЕРНЯХОВСКАЯ Юлия Сергеевна – кандидат политических наук, заведующий сектором политической культуры НОЦ «Высшая школа политической культуры» Московского государственного института культуры (141406, Россия, Московская обл., г. Химки, Библиотечная ул., 7; julcher1@yandex.ru), ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

СОВЕТСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУТУРОЛОГИЯ И КЛАССИКА ФУТУРОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПЕРЕЖЕНИЕ И ЗНАКОВЫЕ РАСХОЖДЕНИЯ

Аннотация. Принято отсчитывать западную футурологию, точнее, признание западной политической мыслью важности исследования будущего, со знаменитой книги Г. Кана и А. Винера (1968) «Двухтысячный год – база для размышлений о следующих тридцати трех годах». А потом были Белл, Флетчер, Тоффлер, доклады Римского клуба и многое другое. В статье показывается, что практически вся проблематика, ставшая объектом и предметом исследования классикой западной футурологической мысли в конце 1960-х – начале 1970-х гг., была не менее концептуально, а иногда и более последовательно рассмотрена таким жанром политической мысли, как советская научная фантастика, минимум на десятилетие раньше – в конце 1950-х – начале 60-х гг.

Ключевые слова: будущее, футурология, философия будущего, фантастика, прогнозы, постиндустриальное общество, прогресс, технооптимизм, технопессимизм, стресс, дезориентация, антропологический оптимизм

Весь XX в. мир стоял перед вызовами будущего, чтобы к его концу сначала устами Ф. Фукуямы провозгласить конец истории, а потом этими же устами к началу XXI в. от этого мрачного пророчества отречься и начать осознавать, что тогда, в 1960-е гг., когда стала рождаться входившая в моду западная футурология в ее и технооптимистическом, и в технопессимистическом вариантах, эта модная западная футурология уже примерно на 10 лет отставала в своих обращениях к проблемам будущего от прогностических прорывов советской художественной футурологии, успевшей в поисковых формах метафоры поставить и осмыс-